

Но с чего вообще начать? Вне съёмочной площадки они никогда не позволяли себе подобной близости. Неужели он снова опозорится?

Мысли в голове Се Синьцяня перепутались в сплошной клубок. Ли Вэньсю тем временем поднялся с места:

— Пойдём ко мне.

Синьцянь изумлённо вытаращился:

— Почему к тебе?

— Хочешь у тебя? — Вэньсю смерил его равнодушным взглядом.

Поразмыслив, Синьцянь всерьёз качнул головой:

— Нет, ты прав. Лучше у тебя.

Если что-то пойдёт не так, его собственная комната хотя бы останется чистой, и ночью удастся спокойно уснуть.

Даже морально подготовившись, заставить себя переступить порог оказалось непросто. Синьцянь застыл у дверей истуканом — губы сжаты, скулы напряжены.

— Начнём сразу из спальни, — предложил Вэньсю. — С той самой сцены.

Синьцянь кивнул, но едва дошёл до дивана, как пошёл на попятную. Смущённо обхватив голову руками, он пробормотал:

— Дай мне пару минут... Настроиться.

Вэньсю не стал торопить, спокойно ожидая сигнала.

Раньше они уже репетировали вдвоём, но Синьцянь никогда не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Он закрыл глаза, глубоко выдохнул и мысленно прокрутил эпизод. Сюжет незамысловат: второстепенная героиня кокетничает с персонажем Вэньсю, герой Синьцяня ревнует, тот приходит его утешать, и всё плавно перетекает в постель. Катализатор ревности — то, как девушка под водой касалась ноги Тан Фэна.

Но что такое ревность?

В сценарии режиссёр Ло выразил это через действия: книга падает в бассейн, Бай Цзиннянь уходит к себе, избегает Тан Фэна. Однако актёру мало просто сыграть действия — нужно вложить в них живое чувство. Синьцяню требовалось отыскать ревность в собственном опыте и перенести её на экран.

Когда он испытывал нечто подобное?

Перед глазами неожиданно всплыло лицо Цю Ивэнь. Синьцянь вспомнил, как вечером она о чём-то шепталась с Вэньсю в холле, и в груди тогда всё сжалось от едкой тоски.

«Нет-нет, это не ревность!»

Синьцянь мотнул головой, отгоняя странный образ. Это всего лишь последствия глубокого погружения в роль: он просто спроецировал эмоции Бай Цзинняня к Юй Лу на реальную Цю Ивэнь. Временный, суррогатный отклик, а не его личные переживания.

Но когда же он ревновал по-настоящему?

Память отмотала годы назад, к детству у бабушки. Нас с кузенами вроде бы считали равными, но бабушка постоянно его игнорировала и даже заставляла маму уделять внимание другим детям. В парке развлечений бабушка заявила, что мальчикам не пристало капризничать, бросила восьмилетнего Синьцяня на скамейке, а его маму отправила кататься с чужим ребёнком.

Вокруг шумела веселящаяся толпа, а мальчик сидел один, и крупные слёзы застилали глаза, хотя ни одна так и не скатилась по щеке.

Обида, горечь, бессильная злость... В итоге он сбежал. Назло им всем. Ему казалось: мама заметит пропажу, перепугается, побежит искать... Но никто так и не пришёл.

Ревность — это не просто каприз. Это отчаянная попытка заставить другого человека проявить заботу. Желание снова стать любимым.

Синьцянь поднял взгляд. Неловкость испарилась, в его облике проступили черты Бай Цзинняня. Встретившись взглядом с Вэньсю, он произнёс:

— Я готов.

Вэньсю кивнул. Репетиция началась.

Синьцянь метнул на него мрачный взгляд, сгреб со столика коробку с салфетками и рванул в спальню. Швырнув её на стол, он в сердцах рухнул лицом в подушку.

Детская обида, слившись со сценарием, вызвала жжение в носу, а перед глазами встала пелена. С чего вдруг Тан Фэн флиртовал с Юй Лу прямо у него на глазах? Он что, слепой? Синьцзянь и так вне себя от ярости, почему тот до сих пор не пришёл просить прощения?!

Синьцзянь со злостью пару раз ударил по подушке, взъерошил волосы, но облегчения это не принесло. По спине внезапно разлился зуд — будто гнев наконец нашёл выход. Он с досадой задел ногтями чешущееся место. Едва он собрался чесаться снова, как чья-то рука перехватила его запястье.

— У тебя тут потница, — раздался знакомый голос.

В следующее мгновение широкая мужская ладонь скользнула под край футболки и слегка погладила кожу. Легко, еле ощутимо, словно цепляя невидимым крючком.

Синьцзянь вздрогнул от неожиданности. Вэньсю, подумав, что тот пытается вырваться, мягко, но ощутимо прижал его к матрасу:

— Не чеши так сильно, кожу содрёшь — занесёшь инфекцию.

Синьцзянь его уже почти не слышал. Кожа действительно зудела, но от таких прикосновений стало только хуже. Превозмогая смущение, он заставил себя доиграть сцену до конца.

Пока Ли Вэньсю не сжал его стопу...

Его ладонь оказалась широкой и горячей, словно от неё летели искры. Вдоль тела Синьцзяня прошла дрожь. И ладно если бы он просто держал! Пальцы Вэньсю непрерывно двигались, поглаживая и потирая стопу, будто крутили в руках нефритовые шары.

«Разве ему не противно?» — подумал Синьцзянь. Хоть он и принял душ перед приходом, всё равно было неловко, когда касались таких мест...

Подушечки пальцев скользнули по своду стопы. Синьцзянь поджал пальцы, и Вэньсю, словно подстёгнутый этим жестом, наклонился ниже и прошептал прямо в ухо:

— Прячешься от меня? Не нравится, когда я касаюсь? Если ногу нельзя, то в другом месте можно?

Синьцзянь уткнулся лицом в подушку, ощущая, как уши заливают краска. Да что с ним такое?! Почему он отходит от текста? Впрочем, в сценарии дальше реплик и не было — режиссёр Ло не умел писать откровенные сцены и предоставил им полную свободу, рассчитывая отобрать лучшее на монтаже. Но кто ж знал, что импровизация Вэньсю зайдёт настолько далеко?!

— Всё ещё злишься на меня? — бархатный голос прозвучал у самого уха, обволакивая манящей хрипотцой. — Хочешь, я больше никому не позволю к себе прикасаться? Только тебе одному. Идёт?

Вэньсю выпустил его стопу. Синьцзянь не успел перевести дух, как ощутил прикосновение чужой ноги.

Он замер, сердце ушло в пятки.

Пальцы мужской ноги нежно провели по его подъёму, пересчитали каждый пальчик, а затем пятка мягко скользнула по лодыжке — дразняще, почти невесомо, будто в невинной игре.

Но Синьцзянь был перепуган насмерть. Лицо горело, он сжался в комок, словно ошпаренная креветка. Он пытался отодвинуться, но Вэньсю наступал, не оставляя ни единого шанса на бегство.

— Я больше не хочу репетировать... — буркнул Синьцзянь в подушку.

Прикосновения прекратились.

Решив, что уговоры подействовали, Синьцзянь с облегчением поднял голову, но наткнулся на тяжёлый, тёмный взгляд Вэньсю. В его зрачках пылала чистая, недвусмысленная мужская страсть.

Синьцзянь опешил. В памяти мгновенно всплыл момент, когда они писали портрет, — тогда Вэньсю смотрел на него точно так же.

Неужели опять скачок уровня сверхспособности?

Синьцзянь протянул руку и отгнул ворот его рубашки — никаких тёмных узоров на коже не было. Тогда в чём дело?

Он хотел отстраниться, но Вэньсю перехватил его ладонь и силой прижал к своей шее:

— Куда руку распускаешь? — лениво бросил он.

Пальцы Синьцзяня ощутили сумасшедший ритм чужого пульса. Сердце в его собственной груди заколотилось с той же бешеной скоростью. Он попытался вырвать руку — бесполезно.

— Я... — Синьцзянь запнулся, впервые в жизни не зная, куда деваться от неловкости. Лишь спустя вечность он тихо пробормотал: — Я просто хотел посмотреть на твою шею...

— На шею? — взгляд Вэньсю стал ещё темнее, голос звучал глухо и с нажимом. — И зачем же?

Из-под воротника на шею медленно поползли чёрные, нитевидные узоры. В полумраке комнаты они смотрелись жутко и маняще одновременно, словно некий негласный призыв.

Синьцянь окончательно сдал позиции. Зажмурившись, он выпалил:

— Прости, я больше не буду!

Но Вэньсю не дал ему отвернуться, подтолкнув подбородок вверх:

— Правда не будешь? А зачем тогда трогал?

— Сдуру! Спросонья! Мозги отключились! — Синьцянь сторал от стыда, не зная, куда девать взгляд.

Вэньсю молча разглядывал его некоторое время, а затем сухо уронил:

— Невнимателен.

Синьцяню стало невыносимо обидно: да после такого попробуй сохрани концентрацию!

— Продолжаем, — отрезал Вэньсю.

Что?! Опять?! Неужели он решил довести репетицию до самого финала?!

Перепуганный Синьцянь выдернул руку, сдёрнул ноги с кровати и, даже не обув тапочки, сиганул к выходу:

— У меня дела! На сегодня хватит!

Он распахнул дверь и замер.

На пороге стояла Цю Ивэнь. Её длинные чёрные волосы ниспадали на плечи, а миндалевидные глаза округлились от изумления.

Синьцянь выглядел мягко говоря двусмысленно: мятая футболка, съехавший воротник, обнажающий ключицы, пылающие щёки, босые ноги и отчаянный, загнанный взгляд. Картина маслом. Любой бы понял всё правильно.

— Сестра Цю, — выдавил из себя Синьцянъ и попытался проскользнуть мимо.

Но тут из комнаты вышел Вэньсю с его шлёпанцами в руках. С совершенно невозмутимым видом он произнёс:

— Ты тапочки забыл.

Синьцянъ: «...»

Он опустил взгляд: десять босых пальцев смущённо поджались. Собрав остатки мужества, Синьцянъ цапнул обувь, натянул её на ноги и, делая вид, будто ничего особенного не произошло, побрёл к себе.

Шагал он с безупречно прямой спиной и каменным лицом, но когда доставал электронный ключ, пальцы так дрожали, что открыть замок удалось только с пятой попытки.

— Вы... — Цю Ивэнь посмотрела вслед скрывшемуся Синьцяню.

— Репетировали, — коротко отрезал Вэньсю.

Она подняла на него взгляд. Белая рубашка Вэньсю была расстёгнута на две пуговицы, а на обычно бесстрастном лице читалось глухое раздражение неполноценно удовлетворённой страсти.

— Ты что-то хотела? — его голос звучал прохладно.

Цю Ивэнь помедлила, затем качнула головой:

— Нет. Просто проходила мимо, когда он открыл дверь.

Вэньсю сухо кивнул и закрыл перед ней дверь.

На следующий день съёмки проходили на вилле.

Синьцянъ тихо сидел на маленьком табурете, пока вокруг суежилась съёмочная группа. Зажав в руках бутылку с водой, он отрешённо смотрел в окно.

— Брат Се? — подошёл Чжоу Мин. — Готовься, режиссёр сказал, сейчас начинаем.

Синьцянь с трудом вернулся из своих мыслей и безучастно кивнул.

Недалеко от него Цю Ивэнь, уже в гриме и костюме, о чём-то беседовала с Ли Вэньсю. У режиссёра Ло всегда был безупречный вкус: для неё выбрали светло-зелёные вьетнамки, подчеркивавшие ярко-оранжевый педикюр — свежее, летнее сочетание. С зелёным ободком в волосах Цю Ивэнь выглядела ослепительно и тихо смеялась над словами Вэньсю.

Вспомнив вчерашний вечер, Синьцянь снова ощутил укол внутри. Зачем она приходила так поздно? О чём они говорили?

Словно почувствовав его взгляд, Вэньсю обернулся. Синьцянь испуганно отвёл глаза, а потом мысленно отругал себя: «Да чего ты прячешься?!»

Но когда он снова поднял голову, Вэньсю уже смотрел в другую сторону.

Помощник режиссёра позвал его на позицию. Синьцянь собрался с духом, взял книгу и лёг у бассейна.

Этот бассейн они с Вэньсю когда-то отмывали собственными руками. Чтобы снять этот эпизод, пришлось выполоть всю сорную траву и до блеска вычистить плитку. Теперь вода сияла лазурью, прогретая за день солнцем, а на дне плясали золотые блики.

Шумели цикады, дул лёгкий ветерок.

Синьцянь держал книгу, но мысли его крутились вокруг Цю Ивэнь, которая прямо сейчас флиртowała с Вэньсю по сценарию. Дальнейшие события он знал назубок: книга падает в воду, он молча уходит в комнату, Вэньсю идёт следом...

В спальне на втором этаже Синьцянь лежал на кровати в одних плавательных шортах. Вэньсю подошёл, опустил руку ему на спину, глядя и забираясь всё ниже. Синьцянь попытался отвернуться, но Вэньсю ловким движением сдёрнул с него шорты и накрыл его губы своими.

Режиссёр Ло не прерывал съёмку. Напористо, но мягко, словно варя лягушку в тёплой воде, Вэньсю продолжал сближение.

В уголках глаз Синьцяня блеснули слёзы, которые Вэньсю тут же слизал поцелуем. От этого прикосновения Синьцянь окончательно потерялся. В груди хлынула волна обиды, и он не сдержался — тихо заплакал.

Вэньсю не останавливался, продолжая нежно шептать слова утешения. Дрожащим голосом Синьцянь молил прекратить, но команда «Стоп!» так и не прозвучала. Холодный объектив камеры фиксировал каждую деталь, обнажая его чувства до предела.

За окном оглушительно трещали цикады, а слепящий солнечный свет резал глаза.

Когда съёмка завершилась, режиссёр Ло подозвал Вэньсю к мониторам, и они начали тихо обсуждать отснятый материал.

Чжоу Мин поднёс Синьцяню воду, но тот даже не шелохнулся. Он неподвижно смотрел на подоконник.

Там лежала мокрая книга. Солнце успело подсушить верхние страницы, но они навсегда деформировались, слиплись и уже никогда не станут прежними.

— Брат Се? — с беспокойством окликнул его Чжоу Мин.

Синьцянь закрыл глаза и тихо, едва слышно произнёс:

— Я больше не хочу сниматься.

<http://bllate.org/book/19727/1985811>